

Н.А. Шалимова

Фирс

ФИРС — центральный персонаж комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903). Образ Фирса, старого верного слуги Гаевых, содержит в себе индивидуально-психологическое и историко-символическое значение. Его «литературная родословная» (Савельич в «Капитанской дочке» Пушкина; Захар в «Обломове» Гончарова; Марей в «Мужике Марее» Достоевского) позволяет выделить образ Фирса в определенный историко-культурный феномен.

Старинная ливрея и белые перчатки Фирса — такая же память о прошлом, как и комната, которая «до сих пор называется детской», столетний «многоуважаемый шкаф», родовое поместье с домом и вишневым садом. Сам Фирс — в буквальном смысле слова — «ходячая» память старинного усадебного быта и обычая. Его радость «Барыня приехала!» — это радость узнавания прошлого: «И барин когда-то ездил в Париж...» Он помнит, как и когда надо подавать кофе в гостиную, знает, когда барыне подложить подушечку под ноги. Он не забыл, какая одежда полагается «на выезд», и «наставительно» пеняет Гаеву: «Опять не те брючки надели». Когда вечереет, он не забывает принести барину пальто, строго выговаривая ему: «Извольте, сударь, надеть, а то сыро». Стареющие Гаев и Раневская для него до сих пор «барские дети», о которых надо заботиться, которых надо оберегать. И Фирс, как добрый «дух усадьбы», как семейный «домовой», не перестает это делать и, даже заболевая, тянет этот воз: «Без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом».

К бормотанию Фирса все привыкли, и уже никто не пытается в него вслушаться и разобрать его смыслы. В широкой временной перспективе действия это бормочет само прошлое, напоминая, что оно еще живо, еще продолжается, еще длится. «Звук лопнувшей струны» — этот не то «вздых», не то «вздрог истории» (Д. Стрелер) — услышали все, но только Фирс бормотнул пророчески: «Перед несчастьем то же было...»

В бормотании умирающего Фирса («Жизнь-то прошла, словно и не жил...») слышится еще «что-то, чего понять нельзя...». Перед отъездом все о Фирсе тревожились, беспокоились, упоминали, напоминали, четырежды справлялись, отправлен ли он в больницу, — и забыли в наглухо заколоченном доме, где до весны никого не будет. На фоне забытого Фирса горько-иронически звучат радостные возгласы «Прощай, старая жизнь!» и «Здравствуй, новая жизнь!». Почему-то вспоминаются слова Фирса о радости «перед волей»: «И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают».

Прошлое — отрезано. Дряхлый, больной, но еще живой Фирс — «дух истории», «патриарх дома», «родной Фирс» — оставлен умирать в одиночестве. Слова «Фирса забыли» стали языковой метафорой, проникли в быт, являясь обобщением чисто русской «неумышленной бестолковщины», результаты которой печальны, если не катастрофичны.

Первый исполнитель роли Фирса — А. Аргем (1904). Среди других исполнителей — Н. Хмелев (1934), Ю. Толубеев (1978), И. Ильинский (1982).